

УДК 332.1.(470.5)''1900/1929''

Н.М. Щербин

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА В 1914–1920-х гг.

Представлены результаты исследования управленческих механизмов хозяйственного развития Урала. Новый методологический подход дает возможность раскрыть динамику их исторического развития при царском правительстве, после Октябрьской революции, в период господства оппозиционных сил советской власти и после Гражданской войны. Раскрываются причинно-следственные связи катастрофической ситуации, сложившейся в промышленности Урала.

Ключевые слова: Урал, горная промышленность, управление.

Модернизация промышленности Урала в тот период имела косметический характер из-за очень незначительных капиталовложений в период создания акционерных компаний и сохранения полнокровного вотчинного хозяйства, которое не имело ничего общего с классическим капитализмом.

Вместо того чтобы в первую очередь разрешить это противоречие, изыскать средства для изменения организации топливно-рудного хозяйства и рабочей силы, являющихся на тот момент основными причинами низкого уровня производства, акционерные компании встали на экстенсивный путь увеличения выпуска продукции за счёт усиленной эксплуатации топливных и сырьевых ресурсов, ничего не сделав при этом для использования и других видов топлива, кроме дров, основным средством доставки которых был гужевой транспорт. Однако ограниченный доступ к древесному топливу, трудности его транспортировки традиционным видом транспорта привели к сдерживанию производства промышленной продукции. И особенно это проявилось в самом начале Первой мировой войны, когда в 1914 г. из уральских горных округов было призвано на фронт 43,7% вспомогательных рабочих, занятых на лесозаготовительных и транспортных работах. В 1915–1916 гг., по причине нехватки топлива и сырья, из 158 доменных печей были остановлены 22, и 11 печей работали с неполной нагрузкой. В январе 1917 г. из 112 доменных печей стояли уже 55, а с недогрузкой работали 20 [1. С. 221–223].

Имея такие данные, очень трудно согласиться с выводами отдельных авторов по вопросам развития уральской промышленности в начале XX в., заключающимися в том, что накануне и во время Первой мировой войны, в динамике развития Урала имелись как положительные, так и отрицательные черты. Если согласиться с их усреднённой позицией, то тогда как быть с тем, что, несмотря на то, что со стороны организаторов промышленного производства предпринимались попытки повышения эффективности его работы, производство резко снижало темпы. Значит, что-то являлось существенным тормозом. Очевидно, ими в тот момент не учитывалось главное – изменение вотчинного хозяйства в сторону капиталистических отношений и недостаточное финансирование производственного процесса.

За годы Революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) промышленность Урала ещё больше разрушилась. Её валовая продукция составляла всего 15% от объёма 1913 г. Наиболее стремительно падало производство желе-

за и стали, сократившись с 1913 по 1919 г. более чем в 10 раз, в том числе за 1919 г. – в два раза по сравнению с предыдущим годом. Резкий спад наблюдался и в выплавке чугуна – основе уральского горнозаводского производства: в 1919 г. на Урале выплавлялось 14% довоенного чугуна, в 1920–1921 гг. – всего 8% от уровня 1913 г. В 8–20 раз сократилось производство мартовского металла, проката, кровельного железа, добыча железной руды, прекратилась выплавка меди. Грузооборот Пермской железной дороги уменьшался – с 289 млн пуд. в 1913 г. до 92 млн пуд. в 1921 г. [2. С. 111–125].

Большевики, пришедшие к власти после Октябрьской революции, предпринимали попытки исправить положение в промышленности в лучшую сторону. Но эффективность этих усилий была очень низка. Во-первых, хозяйственной дезорганизации, господствовавшей на тот момент повсеместно на Урале, способствовали сами же рабочие. Получив свободу, они в первые же месяцы после революции занялись захватом заводских земель и порубкой лесов, отменяя юридические нормы пользования ими и различными промыслами. Возможно, они поступали так потому, что революция не принесла желаемого облегчения, так как большевики в большей степени проводили в жизнь сиюминутные решения, зачастую не обоснованные ничем, а поэтому походившие в большей степени на хозяйственные эксперименты. Во-вторых, продовольственные трудности и невыплаты обесцененной зарплаты усиливали недовольство рабочих, что привело летом – осенью 1918 г. к открытым выступлениям на Кусинском, Кушвинском, Невьянском, Рудянском, Саткинском, Шайтанском, Юговском заводах и свержению в августе 1918 г. советской власти в Ижевске и Воткинске.

Гражданская война создала дополнительные трудности для ослабленной уральской промышленности в виде разрыва экономических связей между территориями, дальнейшего разрушения транспорта и финансового кризиса. На эти проблемы тяжким грузом накладывались, с одной стороны, хронические болезни промышленности Урала, с другой – труднопреодолимые последствия многомесячного большевистского господства. Так, объём производства чугуна, стали, меди, добычи угля за 1918 г. упал, по сравнению с неблагоприятным 1917 г., в два-три раза. Более того, отказ от поддержки дефицитных предприятий при введении заниженных фиксированных расценок на промышленную продукцию и ураганном развитии инфляции реально означал закрытие предприятий и рост безработицы. Только за время существования ВОПУ и Уральского промышленного комитета было закрыто 125 предприятий. Всего за период с середины 1918 до середины 1919 г. численность рабочих на уральских заводах снизилась на 40%, а их количество на металлургических предприятиях в среднем сократилось с 1074 до 395 человек. В результате к 15 сентября 1919 г. на металлургических заводах и рудниках трудилось около 90 тыс. рабочих – вдвое меньше, чем в 1916 г. [3. С. 76].

В июне 1919 г., незадолго до возвращения большевиков, в сообщении управляющего Пермской губернии министру внутренних дел о ненормальных условиях существования уральских заводов из-за отсутствия топлива, сырья и расстройств транспорта отмечалось, что действовал на тот момент

лишь каждый пятый завод, количество неисправных паровозов составляло 75%, производство железа и стали не превышало 9% от предвоенного уровня, чугуна – 14%. Наиболее ощутимым для населения было свёртывание производства товаров массового потребления. По данным съезда представителей уральской промышленности, в мае 1919 г. производство спичек по сравнению с довоенными объёмами сократилось вдвое, а бумаги, масла и мыла – вчетверо [4. С. 60]. В результате Гражданской войны на Урале было разрушено 70% предприятий, потери уральской промышленности, по неполным данным, оцениваются в 539 млн золотых рублей [5. Т. I. С. 361].

Таким образом, и антисоветский режим не справился с тенденцией снижения объёмов производства на Урале. Картина хозяйственной жизни там оставалась безрадостной. Восстановление советской власти летом 1919 г. не остановило падения промышленного производства на Урале. В конце 1919 г. там работало 14 доменных и 16 мартеновских печей, 49 прокатных станов, или треть действовавших в июле 1918 г., а через год в регионе функционировали лишь две домы и шесть станов. Что касается мартеновских печей, то и они были полностью остановлены [6. С. 358].

Немалую роль в падении уровня промышленного производства играл развал транспорта. Следствием этого была его архаизация, в результате чего гужевой транспорт вышел на одно из первых мест. Но разразившийся кризис в сельском хозяйстве вызвал нехватку лошадей, что крайне ограничило использование конной тяги при заготовке и подвозе топлива. В результате зимой 1919/20 г. была заготовлена приблизительно третья часть необходимого топлива. В 1920 г., когда потребности промышленности и лесозаготовок в фураже были удовлетворены на треть, уральская металлургия получила всего половину нужного количества дров и древесного угля.

Оказавшись в критической обстановке, большевики привлекли на помощь в решении хозяйственных вопросов Красную Армию. Так, на основании постановления Совета рабоче-крестьянской обороны от 15 января 1920 г. на базе 3-й армии Восточного фронта была сформирована 1-я Революционная трудовая армия труда [7. Т. 7. С. 96–99], которая заготовила за январь – ноябрь 1920 г. 143,8 тыс. куб. саженей дров – в то время основного топлива для промышленных предприятий и железнодорожного транспорта Урала [8. № 28–29. С. 19; № 6–7. С. 102].

Нарком по военным и морским делам и председатель РВСР Л.Д. Троцкий выступил инициатором превращения 1-й Революционной армии труда в областной хозяйственный центр Урала. 23 марта 1920 г. в одной из своих статей он писал: «После двух-трех недель совместной работы мы, члены Совтрударма, убедились, что представляем собой не что иное как уральский областной хозяйственный центр. И все мы единодушно признали существование такого центра необходимым». Далее подчеркивалось, что создание аналогичных центров в других регионах позволило бы лучше координировать работу местных органов власти. Эта идея получила полное одобрение на IX съезде РКП(б) 29 марта – 5 апреля 1920 г. [9. Т. 15. С. 336].

Однако трудовая армия не могла стать решающей силой восстановления хозяйственной жизни. В январе – сентябре 1920 г. её части заготовили лишь

15% необходимого топлива и 20% каменного угля. И поэтому преувеличивать экономическую эффективность трудовой армии нельзя. Она способна была лишь приостановить, но не преодолеть хозяйственный кризис, так как производительность труда военнослужащих, не обладающих соответствующей профессиональной квалификацией, была ниже, чем у гражданских рабочих. Однако несмотря на то, что расходы, связанные с содержанием управленческого аппарата воинских частей, увеличивали издержки производства, использование их в то же время в первую очередь компенсировало недостаток управления, свойственные системе военного коммунизма, – бюрократизм, бесхозяйственность, уравниловку, обеспечивало возможность для постепенного перехода к мирным формам экономической жизни. Более того, с помощью трудовых частей можно было не только вести хозяйственное строительство, но и контролировать ситуацию в районах с пока еще не оформившейся гражданской властью, во многом заменяя эту власть.

Тем самым трудовая армия на Урале, сыграла позитивную роль, хотя и не решила всех проблем. Да и не могла она в одночасье решить того, что накапливалось десятилетиями: и при царском правительстве, и после Октябрьской революции, и в период господства на Урале оппозиционных сил советской власти, и после Гражданской войны. Её заслуга, по моему мнению, в том, что в ситуации, когда прежняя система управления уже не существовала, а новая еще не функционировала должным образом, она служила стабилизирующим фактором, поддерживая транспортную инфраструктуру (нефтепроводы, железные дороги), обеспечивая хотя бы на минимальном уровне деятельность предприятий, способствуя налаживанию работы гражданских учреждений, осуществляя культурно-просветительные, пропагандистские акции, гарантируя порядок и спокойствие для лояльного к новой власти населения, смогла всё же предотвратить возможное сползание региона к хаосу и экономическому коллапсу.

Большевики не прекращали поиска экономического инструмента управления, которым стала в 1921 г. «новая экономическая политика».

В ходе новой реорганизации управления промышленностью вопросы общего экономического регулирования перешли от ВСНХ к Совету труда и обороны (СТО) и его местным органам. На Урале представительством СТО стало областное экономическое совещание (Уралэконо).

Весной 1921 г. началась демобилизация из 1-й Трудовой армии, которая окончательно была расформирована – вслед за её аналогами в других регионах – в начале 1922 г.

Трудовые мобилизации, милитаризация труда осенью 1921 г. были упразднены. С ноября 1921 г. в уральской промышленности началась организация трестов, которых в 1922 г. было уже 17, в том числе шесть горнозаводских трестов, сменивших прежние «райметаллоуправления». В мае 1922 г. был создан синдикат «Уралмет», объединивший снабженческо-сбытовую деятельность всей металлургической и горнодобывающей промышленности Урала.

Обращает на себя внимание попытка советской власти использовать специфику архаичной организации уральской горнозаводской системы. Ориги-

нальным явлением была сдача в 1921–1922 гг. остановленных заводов коллективам рабочих, которые имели в горнозаводских поселках своё хозяйство и не меняли место жительства в поисках заработков. В сентябре 1922 г. съезд представителей уральской крупной промышленности и транспорта вынужден был специально рассматривать вопрос о приписке лесных дач к горнозаводским трестам. В ноябре 1922 г. СТО принял постановление «О приписке лесных дач к трестам Урала». Были созданы тресты-комбинаты, в которые вошли лесные угодья.

Сложности оздоровления индустрии Урала были связаны с хронической нехваткой ресурсов и застаревшими структурными слабостями уральского горнозаводского хозяйства, продолжавшего работать на древесном топливе. В момент учреждения Уральского металлургического синдиката в 1922 г. его уставный капитал был равен всего 6 млн довоенных золотых рублей, что в 18 раз меньше, чем накануне Первой мировой войны. В связи с разрушением финансов и стремительной инфляцией, за которой не поспевал печатный станок, задолженность государства промышленности Урала к 1 апреля 1922 г. достигла 260 млрд руб. Выход из затруднительного положения в начале 1923 г. стал осуществляться за счёт консервации (вплоть до ликвидации) ряда металлургических предприятий. Эта мера обеспечивала концентрацию производства при максимальной экономии средств и дала ограниченный эффект роста промышленного производства.

Архаичность и бесперспективность созданного в XVIII в. уральского горнозаводского хозяйства не означали, таким образом, его безжизненности. Система округов была возрождена в 20-е гг., и советской власти не оставалось ничего иного, как опираться на неё в качестве единственной надёжной и устойчивой организационной структуры до начала сталинской «революции сверху» [10. С. 170, 171].

Начало нэпа отнюдь не ознаменовалось оздоровлением промышленной ситуации в регионе. Развал уральской индустрии в 1921 г. достиг своего завершения. С весны промышленное производство резко сократилось в связи с ожидаемым неурожаем, продовольственным и топливным кризисом. Летом 1921 г. оно замерло: во второй половине июля – первой половине августа на Урале не действовали ни доменные, ни маргеновские печи, ни прокатные станы. Подвоз древесного угля к предприятиям Екатеринбургского «райметаллоуправления» сократился в августе 1921 г. до 0,4 % от январского показателя того же года, доставка дров – до 3,6 %; производство чугуна и проката на Урале сократилось в 20–30 раз по сравнению с мартом 1921 г., сталь не вырабатывалась [11. С. 134–135].

В одном из сообщений, поступивших августе 1921 г. в Башкирский обком РКП(б), сообщалось: «Четырёхмесячное неудовлетворение продовольствием всех производств БСНХ вызвало их остановку, даже лесные заготовки, причисленные к ударным работам, совершенно остановились и впереди, при такой постановке дела, перспективы неприглядные».

Выход из катастрофической ситуации в промышленности был затяжным и болезненным. Относительный подъём производства в 1922–1923 гг. был иллюзорным: стоимость продукции металлургии была в два раза выше, чем

в 1920/21 хозяйственном году, но составляла лишь 26% от производства 1914 г. Заводы Южного Урала с апреля 1922 г. вновь остановились из-за отсутствия топлива, продовольствия и рабочей силы; 8 тыс. потерявших место рабочих были обречены на голодную смерть. В Оренбургской губернии в конце 1922 г. работала лишь мелкая промышленность, которая, как сообщалось в закрытом письме губкома в ЦК РКП(б), «...в силу отсутствия покупательной способности полуголодных крестьян губернии и отсюда крайнего недостатка оборотных средств влечит незавидное существование». На заседании Уральского бюро ЦК РКП(б) 11 декабря 1922 г. подчёркивалась необходимость разработать меры борьбы с чрезмерным браком на производстве, так как качество увеличившейся в объёмах продукции было крайне низким. В том же докладе отмечалось, что на Пермской железной дороге неисправные паровозы составляли 53%, вагоны – 30%.

Таким образом, Октябрьская революция, успех которой в значительной степени был связан с надеждами населения на возможность радикального улучшения материальных условий существования, не принесла желаемого облегчения. Сопровождавшие её хозяйственные эксперименты большевиков в сочетании с неуправляемыми и с экономической точки зрения наивными действиями самих рабочих лишь усугубили кризисную ситуацию в промышленности. Крах большевистских попыток остановить развал промышленности на фоне продовольственных трудностей и невыплаты обесцененной заработной платы усиливали недовольство рабочих, разразившееся летом–осенью 1918 г. открытыми выступлениями против советской власти. Гражданская война создала дополнительное напряжение для ослабленной уральской промышленности в виде разрыва экономических связей между территориями, дальнейшего разрушения транспорта, финансового кризиса.

Начало нэпа отнюдь не ознаменовалось оздоровлением промышленной ситуации в регионе. Развал уральской индустрии в 1921 г. достиг своего завершения. Выход из катастрофической ситуации в промышленности был затяжным и болезненным. За несколько лет уральская промышленность была отброшена назад на полтора века. Её восстановление растянулось до второй половины 20-х гг. Лишь в 1926/27 хозяйственном году был достигнут объём продукции 1913 г. Хроническую слабость уральской промышленности, усугубившую бедствия 1917–1922 гг., удалось преодолеть лишь в период сталинской индустриализации 30-х гг. [10. С. 16, 163].

Литература

1. *Мусихин В.Е.* Транспортный кризис и его влияние на состояние топливно-сырьевой базы уральской горнозаводской промышленности в 1914–1917 гг. // История и культура Волго-Вятского края: (К 90-летию учёной архивной комиссии): Тез. докл. и сообщений к межрегион. науч. конф. Киров, 18–20 октября. 1994 г. Киров, 1994.
2. *Радько Ф.* От разрухи к индустриализации Урала // Разгром колчаковщины на Урале: Сб. Свердловск, 1939.
3. *Дмитриев Н.И., Дмитриева Т.В.* Обеспечение крупной промышленности Урала рабочей силой во второй половине 1919–1920 гг. // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период. Свердловск, 1990.
4. *Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): Документы и материалы.* Свердловск, 1929.
5. *Очерки истории коммунистических организаций Урала.* Свердловск, 1971. Т. 1.
6. *История Урала в период капитализма.* М., 1990.

7. *Декреты Советской власти*. М., 1975.
8. *Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте // Серп и молот. 1920; Деятельность 1-й Армии Труда за 1920 год // Серп и молот. 1921.*
9. *Троцкий Л.Д.* 1-я Армия труда как областной орган // *Сочинения*. М., 1927.
10. *Нарский И.В.* Уральская промышленность в 1917–1922 гг.: социалистический эксперимент или консервация «оригинального строя» // *Промышленность Урала в XIX–XX веках: Сборник научных трудов / Под ред. В.П. Чернобровина*. М., 2002.
11. *Голубцов В.С.* Чёрная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923). М., 1975.